

ИСТОРИК ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ ВИКТОРОВ (1889–1936)

Биография профессора Военно-политической академии и ряда других учебных заведений Ленинграда второй половины 1920-х – середины 1930-х гг. В.П. Викторова. В центре внимания автора научно-педагогическая деятельность В.П. Викторова и его роль в обнаружении в Библиотеке Академии наук в октябре 1929 года подлинников отречений от престола императора Николая II, его брата Михаила и инициировании Академического дела.

Ключевые слова:

Библиотека Академии наук СССР, Академия наук СССР, историк В.П. Викторов, отречения императора Николая II, репрессии 1930-х годов в СССР.

Брачев В.С. Историк Владимир Павлович Викторов (1889–1936) // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 1. – С. 29–36.

© Брачев Виктор Степанович – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: V.Brachev@yandex.ru

Видной фигурой среди историков-партийцев Ленинграда второй половины 1920-х – середины 1930-х годов был профессор Военно-политической академии имени Н.Г. Толмачева и ряда других высших учебных заведений Владимир Павлович Викторов. Две статьи М.П. Лепехина о нем, опубликованные в 2010 году, посвящены главным образом деятельности В.П. Викторова в Комиссии по проверке аппарата Академии наук СССР (1929 г.) [17, с. 545–561] и его работе в Библиотеке академии в 1929–1930 гг. [18, с. 149–172]. Основные контуры жизненного пути В.П. Викторова, в том числе и его научная деятельность, в них только обозначены. Задача данной работы: на основе привлечения ряда новых источников попытаться восполнить этот пробел.

Родился В.П. Викторов 25 мая 1889 года в семье симбирского приказчика Павла Петровича Викторова (умер в 1909 г.) и его жены Екатерины Ивановой. Семья Викторových считалась зажиточной: дед Владимира Павловича по матери Петр Петрович Викторов (из бывших крепостных) служил управляющим ряда помещичьих имений в Казанской, Симбирской и Орловской губерниях. Неудивительно поэтому, что после окончания в 1907 году Симбирской мужской гимназии В.П. Викторов оказался на историко-филологическом факультете Казанского университета. Окончил он его в 1911 году.

М.П. Лепехин, ссылаясь на отсутствие каких-либо подтверждений в материалах Казанского губернского жандармского управления, пытается поставить под сомнение свидетельство самого В.П. Викторова о его участии в студенческих волнениях 1908 года. Однако учитывая, что именно к этому году относится время вступления

В.П. Викторова в партию социалистов-революционеров, которые, собственно, и являлись основными заводчиками беспорядков в российских университетах, сомневаться в этом, по нашему мнению, не приходится.

В 1912–1915 годах В.П. Викторов живет в Астрахани, где преподает в местной гимназии. В 1915 году он переезжает в Саратов и работает лектором Саратовского народного университета. В 1918–1919 годах заведует школьным отделом Саратовского губернского отдела народного образования и начинает преподавать историю в Саратовском университете. В 1920 году он переезжает в Москву, где поступает в число сотрудников историко-революционного архива. Наконец, в 1921 году он принимает приглашение преподавать русскую историю в Коммунистическом университете народов Востока [18, с. 151]. В 1926 году выходит в свет подготовленное им учебное пособие – сборник документов и материалов по истории крестьянских восстаний XVII–XVIII веков [16].

Большая часть документов, которые помещены в сборнике, взята составителем из других изданий. Исключение составляют материалы, относящиеся к восстанию Е.И. Пугачева, подобранные в свое время И.М. Голубцовым в московских архивах для готовящейся трехтомной публикации документов восстания 1773–1775 гг. Разрешение на их использование было получено В.П. Викторovichem от главного редактора издания М.Н. Покровского. Он же, М.Н. Покровский, и консультировал В.П. Викторова. Это не могло не отразиться как на составе опубликованных здесь документов («Разложение феодализма и возникновение крепостных отношений» (ч. I), «Революция начала XVII века» (ч. II), «Движение Разина» (ч. III), «Расцвет торгового капитализма» (ч. IV) и

«Движение Пугачева» (ч. V)), так и на характере предисловия составителя к ним. Народные движения XVII–XVIII веков, отмечает здесь В.П. Викторov, были движениями, где «главную действующую силу составляло крестьянство и если, как в движении Болотникова и Пугачева, другие классы примыкали к движению, они, однако, не определяли ни его характера, ни его целей».

Развертываясь в условиях торгового капитала, они не имели, да и не могли иметь, в качестве руководящей силы «представителей какого-либо другого класса», кроме торговой буржуазии. Но вследствие ее тесной спайки с «той системой экономических и общественных отношений, против которой поднимала знамя восстания крестьянская масса – с крепостным хозяйством и политическим господством дворянства» [16, с. VI], этого не происходило, и, лишенные руководящей силы, народные выступления XVII–XVIII веков, заключавшие в себе «некоторые черты возможных буржуазных преобразований», были обречены на поражение [16, с. VII].

Еще в феврале 1921 года В.П. Викторова принимают кандидатом в члены ВКП(б). С 1924 года он уже полноправный член партии [22, оп. 2, д. 321, л. 1]. После окончания в 1926 году Коммунистической академии им. Я.М. Свердлова в целях укрепления партийных позиций среди профессуры высших учебных заведений Ленинграда В.П. Викторov был направлен туда в качестве преподавателя и председателя проблемной комиссии по истории России Военно-политической академии РККА им. Н.Г. Толмачева. В этом же году В.П. Викторov становится ответственным редактором кооперативного издательства «Прибой», доцентом Ленинградского университета, Ленинградского отделения Коммунистической академии (1930 год) и членом Ленинградского отделения Общества историков-марксистов.

Характерно постановление секретаря-та Василеостровского районного комитета ВКП(б) от 22 июня 1928 года: «...оставить т. Викторова на должности преподавателя русской истории в ЛГУ как единственного марксиста – члена ВКП(б) и не отзывать его» [24]. Свидетельством прочного положения В.П. Викторова в Ленинграде стало предоставление ему благоустроенной квартиры в здании Военно-политической академии (Тучкова наб., дом 26, кв. 24), где он и поселился с переехавшими к нему из Москвы женой, тещей и двумя детьми [18, с. 153].

Важным этапом в служебной карьере В.П. Викторова стало лето 1929 года, когда

он был избран членом правления секции научных работников ОБЛСОВПРОФа и руководителем ее отделения в Академии наук СССР [18, с. 156]. В исторической литературе этот год получил название как год великого перелома. Переломным он оказался и для Академии наук: до первых арестов среди ее членов оставалось всего несколько месяцев. В самой же академии с 1 августа 1929 года уже вовсю хозяйничала присланная из Москвы Комиссия по проверке аппарата ее учреждений во главе с членом Президиума ЦИК Ю.П. Фигатнером [3, с. 349], в члены которой по своей профсоюзной должности попал и В.П. Викторov. Более того, с целью придания большей эффективности чистке академии и прежде всего БАН было решено назначить его на освободившуюся после отрешения комиссией Г.М. Котлярова (1883–1938) штатную должность заведующего I (русским) отделением БАН. Принципиальное решение об этом было принято 23 сентября. 29 сентября 1929 года последовало уже его официальное назначение. Утвержден в этой должности В.П. Викторov был, правда, только 27 декабря 1929 года [18, с. 155].

Как отмечал в 1994 году очевидец этих событий, работавший тогда в должности заведующего делопроизводством Управления делами Академии наук, и.о. ученого секретаря Института новой русской литературы (Пушкинский Дом) А.П. Могилянский, «главным во всем», что касалось чистки академии и прежде всего БАН был именно В.П. Викторov: «к нему все с доносами ходили; он всем дирижировал и сумел в тени остаться» [18, с. 159]. Во всяком случае у кабинета В.П. Викторова в главном здании Академии наук всегда стояла очередь; ведь именно от него во многом зависело продвижение по должности, определение разрядов, окладов, да и вообще разного рода материальных благ, связанных с членством в профсоюзе [18, с. 161–162].

Будучи членом комиссии Ю.П. Фигатнера, В.П. Викторov принимал участие практически во всех изъятиях не подлежащих хранению в учреждениях Академии наук архивных материалов. «Именно В.П. Викторov, – пишет М.П. Лепехин, – принял деятельное участие в уничтожении Пушкинского Дома путем преобразования его в 1930 году в Институт новой русской литературы АН СССР, а также в изгнании носителей отжившего мировоззрения из прочих академических учреждений – в первую очередь из библиотеки» [18, с. 169]. Конечно же, отрицать причастность В.П. Викторова к этим неприглядным деяниям не приходится.

ся, хотя справедливости ради следует отметить, что изъятие и передача из Академии наук в другие учреждения некоторых архивных материалов, как, впрочем, и увольнение Комиссией Ю.П. Фигатнера ряда ее сотрудников, никакого отношения к уничтожению этих учреждений как таковых не имело, да и иметь, очевидно, не могло. Другое дело – сломанные в результате их «чистки» человеческие судьбы. Здесь В.П. Виктор действительно был порою жестокат.

В качестве примера такой жесткости можно привести его выступление 22 октября 1930 года на заседании парткома ВКП(б) АН СССР с категорическим заявлением о неприемлемости оставления в должности ученого секретаря Историко-археографической комиссии, только что (11 октября) освобожденного из-под ареста (арестован 08.09.1930 г.) историка Б.Д. Грекова. «Грекова, – заявил он, – нельзя оставлять в должности ученого секретаря по ряду причин. Надо искать ученого секретаря в другом месте, но Грекова оставлять нельзя» [25]. К счастью для нашей науки, товарищи по партии не поддержали В.П. Викторова в этом вопросе, и на научной карьере будущего академика (1935 год) его предложение никак не отразилось. В целом же, по отзыву А.П. Могиланского, В.П. Викторова был «подчеркнуто доброжелательным и всегда располагавшим к себе человеком» [18, с. 163].

Особая страница в биографии В.П. Викторова – это его роль в обнаружении Комиссией Ю.П. Фигатнера 19.10.1929 года в одном из шкафов рукописного отдела БАН СССР хранившихся или правильнее спрятанных там подлинников отречений Николая II и его брата Михаила, а также ряда других документов актуального политического содержания. Во всяком случае именно В.П. Викторова выпала честь продемонстрировать 21 октября членам комиссии эти уникальные документы, обнаружение которых, собственно, и спровоцировало начало Академического дела 1929–1931 гг.

Стремясь внести свой вклад в разработку Академического дела, М.П. Лепехин выдвинул (скорее всего, со слов уже известного нам А.П. Могиланского, с которым он имел возможность непосредственного общения) свою версию его завязки. Согласно ей «об отречениях (и не только о них, но и о положении дел в академических книгохранилищах) стало известно уже в июне 1929 года» [18, с. 159]. Другими словами, мысль М.П. Лепехина заключается в том, что вся эта история с обнаружением спрятанных в БАН отречений была ни чем иным, как заранее спланированной зло-

стой провокацией ОГПУ, которая, собственно, и позволила ему инициировать начало Академического дела. Учитывая травлю, которой подвергалась в это время Академия наук за свой консерватизм, в советской прессе, версия эта, на первый взгляд, выглядит вполне правдоподобной.

Другое дело – фактический материал, который можно было бы привести в ее пользу. Он начисто отсутствует. Да и мыслимое ли дело, чтобы, узнав еще в июне 1929 года о столь важных документах, Ю.П. Фигатнер, В.П. Викторова или еще кто-то из членов комиссии даже посмел подумать тут же не сообщить об этом в ЦК, в Москву. На самом деле о том, что среди хранившихся в БАН неразобранных материалов, поступивших в нее после 1917 года, немало таких, которые вследствие своей общественно-политической остроты должны были быть переданы в Центрархив и Институт Ленина, властям было известно, по крайней мере, еще с июня 1926 года [2, с. 17], и никого это обстоятельство, кроме, пожалуй, руководства Центрархива, добивавшегося передачи этих материалов к себе, особенно не интересовало.

Но, как известно, материалы материалам рознь. Одно дело – хранившиеся в учреждениях академии фонды кадетской партии, бумаги А.Ф. Керенского или П.Н. Милюкова, и совсем другое – спрятанные (рукописное отделение БАН, комната № 19, конверт № 607 с фальшивой надписью «Г.Е. Старицкий» – брат жены академика В.И. Вернадского, основное назначение которого состояло в том, чтобы ввести в заблуждение прикоснувшегося к нему относительно его содержания) там подлинники отречений императора Николая II и его брата Михаила. Политическое значение этих документов было слишком очевидно, чтобы власть могла позволить себе оставить этот, вне всякого сомнения, вопиющий факт без должной реакции. Но о сознательной провокации ОГПУ в этой истории говорить, по нашему мнению, все же не приходится.

На самом деле о хранившихся в рукописном отделе БАН отречениях знало к октябрю 1929 года всего три человека: ученый хранитель отдела В.И. Срезневский, бывший директор библиотеки академик С.Ф. Платонов и непременный секретарь АН СССР академик С.Ф. Ольденбург. Автору этих строк в свое время удалось установить, что виновником случившегося был В.И. Срезневский, который, собственно, и сообщил об отречениях новому и. о. директору библиотеки И.И. Яковкину (назначен

32 | 29.09.1929 г.) [2, с. 40]. Подозревать в этом фактически прятавших в БАН отречения С.Ф. Ольденбурга и С.Ф. Платонова, понятное дело, не приходится.

Сообщение о хранящихся в БАН отречениях было получено Ю.П. Фигатнером (в данном случае не так уж и важно от И.И. Яковкина или В.П. Викторова, ведь источник у него был один – В.И. Срезневский) 19 октября 1929 года и только лично убедившись, что это действительно так, он за подписью С.М. Кирова и своей телеграфировал на следующий день, 20 октября, в Москву о случившемся И.В. Сталину и Г.К. Орджоникидзе и просил разрешения на изъятие у Академии наук экземпляров как самих отречений, так и других такого же рода материалов. Разрешение было получено. И только после этого, 21 октября, члены возглавляемой им комиссии, прихватив с собой академика – секретаря АН СССР С.Ф. Ольденбурга, прибыли в БАН, чтобы уже официально изъять злополучные документы. Придавать большое значение тому, что именно В.П. Викторов сделал 21 октября доклад членам комиссии о хранящихся здесь материалах, а затем в 11 часов, пригласив их в хранилище (комната № 14), продемонстрировал им сами подлинники отречений, по нашему мнению, не следует. Ведь делал он это, скорее, по должности, которую занимал. Да и никакой нужды, как в докладе В.П. Викторова, так и демонстрации перед членами комиссии отречений, 21 октября уже не было и весь этот «спектакль» был затеян, скорее всего, Ю.П. Фигатнером едва ли не для одного зрителя – непременно секретаря академии С.Ф. Ольденбурга.

3 ноября 1929 года решением ЦК ВКП(б) была создана особая комиссия по разбору материалов нешифрованного фонда АН СССР во главе все с тем же Ю.П. Фигатнером, куда, в частности, наряду с известными в Ленинграде историками и архивистами (Г.З. Лозинский, С.Г. Томсинский, А.И. Мальшев, Д.А. Кин, В.В. Макасов) вошел и В.П. Викторов [1, с. 137]. Ему же была поручена и передача 6 декабря 1929 года представителю ОГПУ 134 ящиков с материалами работ Правительственной комиссии по чистке аппарата учреждений АН СССР, предназначенных для отправки в Москву, в Централхив.

Всего комиссией Ю.П. Фигатнера было «вычищено» из учреждений Академии наук 648 человек [3, с. 369] и изъято 150 ящиков, не подлежащих хранению в ее учреждениях, архивных материалов, часть из которых была отправлена в институт Ленина, часть – в Централхив, «немного»

в ГПУ и «кое-что» в институт Маркса – Энгельса и Истпроф [5, с. 113]. 11.12.1929 года, полностью выполнив и даже перевыполнив стоявшие перед ней задачи, комиссия Ю.П. Фигатнера прекратила свою работу. Незаконным хранением в учреждениях Академии наук (Археографическая комиссия, Пушкинский Дом, БАН) архивных материалов актуального общественно-политического значения в это время уже вплотную занималось ОГПУ.

Что касается работы В.П. Викторова в Библиотеке Академии наук, то он, по отзыву Г.А. Князева, «воротил всеми делами библиотеки» и явно теснил на второй план ее и. о. директора, беспартийного И.И. Яковкина [15, с. 456]. Склонный к преувеличениям М.П. Лепехин считает даже возможным говорить о И.И. Яковкине как о номинальном директоре БАН, поскольку именно В.П. Викторов представлял в это время библиотеку во всех внешних инстанциях. Речь идет прежде всего о его московских командировках в феврале и апреле 1930 года. В первом случае с целью урегулирования в центральных учреждениях вопросов, касающихся самой библиотеки, а во втором – для участия в работе Совета книжного фонда и библиотечной комиссии при Главнауке, где даже выступил с докладом о реформе БАН. С 15 апреля в связи с болезнью И.И. Яковкина В.П. Викторову даже пришлось в течение трех месяцев исполнять обязанности директора БАН. Свидетельством возросшего влияния В.П. Викторова в академических кругах можно считать его избрание 02.10.1930 года членом Редакционно-издательского совета АН СССР [18, с. 160]. Избрание В.П. Викторова 03.10.1930 года заместителем директора БАН было в сложившейся ситуации вполне предсказуемым.

Неожиданным и нелогичным в связи с этим следует признать назначение (формально избрание) его через три месяца вполне успешной работы в новой должности ответственным секретарем Ленинградского областного бюро Секции научных работников. В результате уже 23.02.1931 года В.П. Викторов вынужден был подать заявление об уходе из БАН ввиду невозможности совмещения обеих должностей. 01.03.1931 года оно было удовлетворено [18, с. 162]. К сожалению, мы не знаем, как долго продержался В.П. Викторов в новой должности. Скорее всего, недолго. Такое уж было время.

Основными объектами приложения сил В.П. Викторова, как ученого и педагога, оставались в первой половине 30-х годов Военно-политическая академия (доцент) и

Ленинградское отделение Коммунистической академии (научный сотрудник первого разряда). Достаточно прочно чувствовал он себя и в Институте партийных кадров Ленинградского городского комитета ВКП(б), располагавшемся по улице Ракова (бывш. Итальянская), дом 4, где возглавлял кафедру истории народов СССР. Что касается университета, то здесь он по-прежнему продолжал читать курс по русской истории XIX века и лекции по историографии. Летом 1929 года в связи с ликвидацией ямфака единая кафедра русской истории была расформирована и вместо нее были образованы две новые: истории России и истории России и СССР XIX–XX веков. Исполняющим обязанности заведующего последней был назначен доцент В.П. Викторов [23]. Но продолжалось это недолго, так как уже в феврале 1930 года факультет вышел из состава университета и был преобразован в Ленинградский государственный историко-лингвистический институт (ЛГИЛИ). С 1934 года в результате возникновения философского факультета он получил новое название – Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). Изменилось в свете произошедших структурных изменений и положение родственных кафедр русской истории, которые решено было опять объединить в единую кафедру «Истории России и народов СССР» (слово «Россия», впрочем, вскоре было убрано, и кафедра стала называться «Истории народов СССР»), но возглавил ее уже не В.П. Викторов, а М.М. Цвибак. Случилось это 19.06.1930 года [4, с. 193]. В.П. Викторов здесь был оформлен с 29.01.1931 года сначала в качестве сверхштатного доцента, а затем с 1 февраля этого же года переведен на должность сверхштатного профессора. В ЛГИЛИ В.П. Викторову было поручено чтение курса историографии России и СССР для студентов 1-й группы 3-го курса, однако уже с 1 сентября 1931 года он неожиданно был отчислен в резерв [22, оп. 2, д. 321, л. 1-1 об.] и вернулся сюда только в октябре 1935 года [22, оп. 1, д. 31, л. 29]. «Сейчас, – говорил 23 октября в своем выступлении на совещании актива этого учебного заведения заведующий кафедрой истории народов СССР А.И. Малышев, – мы думаем пустить семинар по Средней Азии, семинар Викторова и общий курс» [26]. Вошел В.П. Викторов и в состав профессорско-преподавательского состава, образованного в мае 1934 года исторического факультета АГУ, однако сколько-нибудь заметной роли он здесь не играл.

М.П. Лепехин в связи с этим отмечает, что при массовой раздаче в 1935 году

ученых степеней и званий В.П. Викторов этим отличием был обойден [18, с. 162], намекая тем самым на упавшее к этому времени его влияние в сообществе историков-партийцев Ленинграда. По нашему мнению, дело тут совсем в другом: в отличие от своих коллег, удостоенных ученых степеней, В.П. Викторов как историк сколько-нибудь серьезных работ не имел и был известен только своими предисловиями к сборникам документов и материалов, составленных, как правило, другими.

О первом из них такого рода, посвященном крестьянским восстаниям в XVII–XVIII веках, вышедшем в 1926 году, у нас уже шла речь. В 1929 году под его редакцией и с его предисловием была опубликована работа С.М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» [21] и подготовленный А.А. Черновским (1881–1942) сборник документов и материалов о Союзе русского народа, составленный по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 году [20].

Оценивая вступительную статью В.П. Викторова к сборнику документов и материалов о Союзе русского народа [7], М.П. Лепехин справедливо отметил, что «не злоупотребляя обличительной риторикой, В.П. Викторов сумел показать с достаточной степенью достоверности картину создания по инициативе самодержавной власти народного движения, призванного бороться с революцией». Заслуживает внимания и наблюдение М.П. Лепехина об отсутствии каких-либо ссылок в статье на труды классиков марксизма-ленинизма и подчеркнутый объективизм автора, хотя основное его положение о том, что за Союзом русского народа якобы стоял Совет объединенного дворянства, программу которого в «своей не демагогической», а «действительной» программе он якобы и воспроизводил [20, с. 8], вызывает у него сомнения [18, с. 154], что, по-видимому, справедливо.

Такого же плана и предисловие В.П. Викторова к публикации «Подпольной России» С.М. Степняка-Кравчинского [11], хотя ввиду жесткой полемики среди историков-марксистов конца 1920-х годов по вопросу идейного наследия «Народной воли» он и вынужден был предостеречь здесь «читателя, особенно молодого» от некритического восприятия «политических рассуждений» Степняка-Кравчинского. В то же время, подчеркивает В.П. Викторов, «тов. Ленин всегда с большой симпатией относился к народникам-революционерам 70-х годов». Критикуя утопические взгляды народников, он видел их прогрессивные черты в

34 | борьбе с крепостническим самодержавием. Наконец централизм, руководство, конспиративная деятельность народовольцев послужили образцом для создания организационных форм революционной социал-демократии в 900-х годах [21, с. 6].

В 1930 году в Харькове под редакцией В.П. Викторова был опубликован первый том «Книги для чтения по истории народов СССР» [14]. В 1933 году в Ленинграде – еще один сборник, на этот раз предназначенный для слушателей первого курса Военно-политической академии по истории Русско-японской войны 1904–1905 годов, подготовленный к печати П.Ф. Яровым [19].

О самой войне в предисловии к последнему сборнику В.П. Викторов пишет мало. Основные усилия его, что и понятно в его положении преподавателя военно-политического вуза, сосредоточены на раскрытии ленинских оценок ее предпосылок и характера. «Единственный класс, – пишет здесь В.П. Викторов, – последовательно борющийся против самодержавия и поднявший борьбу против капитализма, – пролетариат, занимал последовательно революционную позицию по вопросу о войне: поражение своего правительства как наиболее благоприятное условие для его свержения» [19, с. 15].

Характер учебного пособия имеет и работа В.П. Викторова «Внешняя и внутренняя политика Александра II» объемом 67 страниц, вышедшая в 1935 году под грифом Военно-политической академии [6]. Сама работа состоит из трех глав, в которых последовательно раскрываются (со ссылками на высказывания В.И. Ленина) экономический подъем России в 1860–1870 годах (глава 1), классовая борьба и внутренняя политика правительства этого времени (глава 2) и, наконец, внешняя политика Александра II (глава 3). Каких-либо примечательных особенностей работа не содержит, хотя и обращает внимание достаточно развернутым материалом о земском движении этого времени и «конституции» М.Т. Лорис-Меликова, которая, по мнению В.П. Викторова, «по-существу ничем не отличалась от проектов 1863 и 1879 годов», хотя либералы и рассматривали ее как «завершение здания» реформ Александра II [6, с. 51].

В традиционном для марксистской историографии начала 1930-х годов духе, то есть по Марксу, Энгельсу и Покровскому, рассматривает В.П. Викторов и внешнюю политику России этого времени, оценивая ее как завоевательную, направленную на захват соседних территорий с целью их «колониального грабежа».

Последней работой В.П. Викторова суждено было стать его лекции «Образование Московского государства и крепостная Россия 16 века», прочитанной им 17.05.1936 года для слушателей школы пропагандистов при Ленинградском областном и городском комитетах ВКП(б). Буржуазные историки, отмечает он здесь, и прежде всего С.М. Соловьев, утверждали, что государство в России сложилось «исключительно в целях обороны». На самом же деле это совсем не так и «Московское государство сложилось прежде всего в борьбе феодалов против крестьянства с целью его закрепощения. Внешние моменты – задачи обороны, только ускорили, как говорит товарищ Сталин, а не обусловили образование государства» [8, с. 32]. Из публикаций В.П. Викторова теоретического характера мы нашли только его выступление 1930 года в Комакадемии по докладу А.И. Малышева, посвященному критике взглядов московского историка-партийца С.М. Дубровского. Никакой крепостнической формации в русской истории в отличие от С.М. Дубровского В.П. Викторов не находил и недвусмысленно солидаризировался в этом вопросе с А.И. Малышевым. Но критику С.М. Дубровским М.Н. Покровского, взгляды которого и, в частности, его теория торгового капитала, стали подвергаться в конце 1920-х годов сомнению в марксистской литературе, В.П. Викторов не поддержал. «Торговый капитал, – заявил он, – остается при тех способах производства, которые существуют в феодальном обществе, но оставаясь на том же способе производства известную организацию, известное перераспределение рабочей силы, торговый капитал, безусловно, производит. И в этом отношении Покровский был глубоко прав, когда выдвинул проблему торгового капитала в изучении русской истории; он был глубоко прав, потому что показал, каким образом происходили в русском историческом процессе эти изменения, начало которых относится ко второй половине XVI века» [12, с. 168].

Ввиду бедности научного наследия В.П. Викторова нельзя обойти вниманием его публикации в «Студенческой правде» (ЛГУ): «М.Н. Покровский (к 60-летию юбилею)» и некрологическая заметка памяти скончавшегося 30.09.1929 года профессора А.Е. Преснякова. Если первая из них характерна отсутствием явных дифирамбов признанному руководителю марксистского исторического фронта [10, с. 7], то вторая, напротив, отличается несомненным пиететом по отношению к почившему. Пресняков, пишет здесь В.П. Викто-

ров, резко выделялся из рядов буржуазных историков его поколения. «Эти черты – научная смелость выводов из исторических фактов и дар исторической интуиции. Но наука для него никогда не отделялась от жизни. Именно это позволило ему, одному из самых талантливых представителей буржуазной исторической школы, все больше и больше приблизиться к методу исторического материализма, все крепче срастаться с советской общественностью. В лице Александра Евгеньевича Преснякова мы потеряли крупнейшего ученого, на редкость отзывчивого товарища и педагога» [9, с. 1], – заключает он.

Последняя публикация В.П. Викторова – лекция об образовании Московского государства, о которой у нас уже шла речь, – вышла в свет в июле 1936 года. До трагической кончины В.П. Викторова (покончил, как пишет М.П. Лепехин, самоубийством) «в конце 1936 года» [18, с. 165], оставалось всего несколько месяцев. Обстоятельства и точная дата случившегося неизвестны. Но о том, что толкнуло В.П. Викторова на этот роковой шаг, догадаться, учитывая его эсеровское прошлое, не так уж и сложно. Это, несомненно, нависшее над ним после убийства 01.12.1934 года в Смольном Леонидом Николаевым члена Политбюро, секретаря ЦК и первого секретаря Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б) С.М. Кирова, угроза неминуемого ареста.

Непосредственная причина случившегося – психическая неуравновешенность убийцы, приревновавшего С.М. Кирова к своей жене, латышке Мильде Драуле, лежала, можно сказать, на поверхности. Но эта бытовая, так сказать, версия, не устроила власть. И в результате было объявлено, что убийство С.М. Кирова – это дело рук некоего Ленинградского троцкистско-зиновьевского центра, действовавшего по инструкциям, получаемым от проживавших в Москве вождей троцкистско-зиновьевской оппозиции (Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, А.И. Рыков и др.). Собственно, разработкой этой

версии и занялось по прямому указанию И.В. Сталина НКВД. Правда, первая волна арестов, обрушившаяся в связи с этим не только на ближайшее окружение С.М. Кирова, но и на ленинградских историков-партийцев, обошла В.П. Викторова стороной. Но власть, как известно, не остановилась на достигнутом. Апогеем нового витка репрессии стал начавшийся 19 августа 1936 года в Москве открытый судебный процесс по делу «главарей» так называемого Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра (Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, И.Н. Смирнов и др.). «Террористический заговор, – вынужден был признать один из них, Л.Б. Каменев, в ходе судебного заседания 20 августа, – был организован и руководим мною, Зиновьевым и Троцким» [27, с. 276]. 24 августа все обвиняемые были приговорены Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу.

23 и 25 августа 1936 года на собрании партколлектива Ленинградского университета были зачитаны обвинительное заключение по делу «троцкистско-зиновьевской банды» и речь прокурора СССР А.Я. Вышинского. «С глубоким гневом и возмущением, – отмечала газета «Ленинградский университет», – говорили коммунисты о троцкистах-зиновьевцах и их приспешниках». Из выступлений, прозвучавших на этом собрании, особую важность для нас имеет речь «тов. Сажина», который заявил, в частности: «не секрет, что у нас в университете работал мерзавец Зайдель, оказавшийся одним из вождей троцкистско-зиновьевских убийц. У нас в университете работали Богомольный, Викторов, Малышев, Канатчиков и другие, бывшие скрытыми врагами народа» [13, с. 4]. Упоминание фамилии В.П. Викторова 25.08.1936 года как уже разоблаченного врага народа позволяет нам предположить, что, скорее всего, и его самоубийство произошло все же не в конце 1936 года, как считает М.П. Лепехин, а по крайней мере несколькими месяцами раньше.

Список литературы:

- [1] Академия наук СССР и ЦК ВКП(б) 1927–1930 гг. Публ. Н.В. Зеленова // Исторический архив. – 1992, № 4. – С. 123–141.
- [2] Брачев В.С. Дело историков (1929–1931 гг.). Издание 2. – СПб.: Нестор, 1998. – 125 с.
- [3] Брачев В.С. Служители исторической науки: Академик С.Ф. Платонов. Профессор И.Я. Фроянов. – СПб.: Астерион, 2010. – 768 с.
- [4] Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. – 384 с.
- [5] Вестник архива Президента Российской Федерации. – М., 1997, № 4.
- [6] Викторов В.П. Внешняя и внутренняя политика Александра II. – Л.: ВПАТ, 1935.
- [7] Викторов В.П. Вступительная статья // Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 года / Редакция и вступительная статья В.П. Викторова. – М.-Л.: Госиздат, 1929.

- [8] Викторов В.П. Образование Московского государства и крепостная Россия XVI века. Стенограмма лекции. – Л., 1936.
- [9] Викторов В. Памяти ученого-общественника // Студенческая правда. – 08.10.1929.
- [10] Викторов В.П. М.Н. Покровский. К 60-летию юбилею // Студенческая правда. – 20.10.1928.
- [11] Викторов В.П. Предисловие // Степняк-Кравчинский С.М. Подпольная Россия. Предисловие В.П. Викторова. – Л.: Издательство «Красная газета», 1929.
- [12] Выступление В.П. Викторова // Спорные вопросы методологии истории (дискуссия об общественных формациях) / Под редакцией Г. Зайделя, З. Лозинского, А. Пригожина и С. Томсинского. – Харьков: Пролетарий, 1930.
- [13] Выше большевистскую бдительность (с партийного собрания) // Ленинградский университет. – 01.09.1936.
- [14] Книга для чтения по истории народов СССР, том I. – Харьков: Пролетарий, 1930.
- [15] Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневник. 1941–1945 гг. / Отв. ред. Н.В. Копанева. – СПб.: Наука, 2009.
- [16] Крестьянские движения XVII–XVIII веков. Сборник документов и материалов с примечаниями / Сост. В. Викторов. – М.: издательство Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, 1926.
- [17] Лепехин М.П. В.П. Викторов – погубитель Пушкинского Дома // V Сытинские чтения. – Ульяновск, 2010.
- [18] Лепехин М.П. Из истории Библиотеки Академии наук: Владимир Павлович Викторов (1889–1936) // Сборник научных трудов (по материалам научных конференции БАН). – СПб., 2010. – С. 149–172.
- [19] Русско-японская война. Сборник материалов. Сост. П.Ф. Яровой. Под редакцией и с предисловием В.П. Викторова. – Л., ВПАТ.
- [20] Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 года. Редакция и вступительная статья В.П. Викторова. – М.-Л.: Госиздат, 1929.
- [21] Степняк-Кравчинский С.М. Подпольная Россия. Предисловие В.П. Викторова. – Л.: Издательство «Красная газета», 1929.
- [22] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). – ф. 328.
- [23] ЦГА СПб. – ф. 7240, оп. 14, д. 310, л. 27
- [24] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). – ф. 24, оп. 3, д. 464, л. 260.
- [25] ЦГА ИПД СПб. – ф. 2019, д. 3, л. 108.
- [26] ЦГА ИПД СПб. – оп. 1, д. 1, л. 20 об.
- [27] Юрг Ульрих. Лев Каменев – умеренный большевик. Судьба профессионального революционера / Пер. с нем. – М.: Либроком, 2013. – 304 с.